

Т. Райнов

**Наука в России XI–XVII
веков. Часть 1-3**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 001
ББК 72
Т11

Т11 **Т. Райнов**
Наука в России XI–XVII веков. Часть 1-3 / Т. Райнов – М.: Книга по Требова-
нию, 2018. – 514 с.

ISBN 978-5-458-54195-4

ISBN 978-5-458-54195-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

еще преждевременно. Возможны только предварительные «очерки». Предметом их здесь является не вся наука, а только естествознание. Да и последнее — не у всех народов СССР, а лишь у великоруссов, украинцев и белоруссов. Незнакомство с языками других национальностей препятствует нам учесть в достаточной мере работу их мысли, судить же о ней по материалам на русском языке недостаточно. Если принять во внимание, что славянское население СССР издавна живет в тесном взаимодействии с неславянским, можно наперед сказать, что знакомство с умственной историей последнего не позволит нам разобраться полностью даже и в истории первого. Но в предварительных очерках на это можно пойти скрепя сердце. Эти очерки названы в подзаголовке книги «очерками по истории донаучных и естественно-научных воззрений на природу», а не просто по истории естествознания — потому, что со словом «естествознание» мы теперь обычно соединяем понятие об известном типе и уровне развития науки о природе. Называть «естествознанием» в этом обычном смысле многие из тех донаучных воззрений на природу, которые жили у нас веками, было бы неверно, хотя в этих воззрениях заключены крупницы некоторых знаний о природе, входящие в другой связи и в более правильном освещении в собственно естествознание.

Пытаясь прочесть, изучить и проанализировать самостоятельно, но, конечно, с учетом существующей литературы, опубликованные или хотя бы описанные памятники истории воззрений на природу в XI—XVII вв. мы, повторяем, сейчас не в состоянии осветить эту историю со всею полнотой. Но все же обрисовываются уже основные очертания картины, во многом непохожей на традиционную концепцию.

Прежде всего бросается в глаза, что, хотя в развитии воззрений на природу очень крупную роль играла у нас в течение веков церковь и церковная литература, все же история представлений о природе в старину далеко не всегда была историей церковных представлений. С одной стороны, здесь играли важную роль и разные «светские» факторы. Строительство обширного государства, его хозяйства, его техники — все это совершалось усилиями не только церковных, но и — прежде всего — «светских» элементов. Да и в работе «теоретической» мысли в старину участие последних было не маловажно и с веками возрастало за счет активности церковников. С другой стороны, и эти последние не могли обойтись в своей литературной деятельности средствами одной лишь церкви, представлениями только религиозными. Чтобы играть роль в «светском» обороте, церкви, и у нас, как везде, приходилось заимствовать элементы светской культуры, подвергая их при этом переработке, но отчасти подчиняясь им. Поэтому уже сейчас с полным основанием складывается впечатление и представление, что работа мысли, направленная на понимание природы, выросла у нас в старину

не только под сводами церквей, но также и на «вольном воздухе», в непрерывном и активном общении с реальной природой.

Другой момент, который тоже отчетливо намечается уже сейчас, заключается в том, что старая русская научная мысль далеко не была столь неподвижной и закостенелой, как это иногда казалось и кажется. История народов СССР и прежде всего русского народа, создавших одно из величайших в мире государств и поднявшихся в наши годы до решения задачи величайшей всемирно-исторической важности, полна активности и движения, которое осуществлялось в очень сложной исторической обстановке. В этом движении не могла не участвовать и русская мысль, как ни трудны были подчас условия ее работы. И действительно, более пристальное ознакомление с фактами показывает нам искания, борьбу и движение там, где все казалось пребывающим в серой неподвижности. Хотя мы обычно не знаем ни биографий, ни даже имен тех, кто участвовал в этом движении, и можем судить о проявлениях их активности только по дурно сохранившимся и не вполне еще изученным памятникам, письменным и техническим, мы знаем и чувствуем, что они мыслили, колебались и боролись, отыскивая ответы на жгучие вопросы своего времени и разрешая их средствами, которые им давало это время и которые они стремились по-сильно умножить. За сухим шелестом страниц старых документов, за остатками, иногда руинами старых материальных памятников мы чувствуем проявление жизни, горячее дыхание и страстное борение представителей того великого и талантливой русского народа, о котором говорил Ленин и который создал и создает одну из величайших глав всемирной истории.

Еще одна важная общая черта картины прошлого русской науки, о которой мы тоже можем судить уже теперь с полной уверенностью,— это не замкнутый, а открытый ход ее развития.

Не было времени, когда бы русская научная мысль в прошлом изолировалась от работы всего человечества. В отдаленные века первых проявлений «научной» русской письменности к нам довольно широкой волной прилипли элементы античного естествознания. Правда, эти элементы оказались заключенными в оболочку церковной догмы, которая позаботилась об их приспособлении к своим целям и нуждам, но все-таки при этом не целиком вытравила из них драгоценное содержание работы научной мысли древности. С этими окристаллизированными остатками античной науки, с не менее важными остатками античной техники, примененной прежде всего к строительству храмов, мы получили то наследие античности, которое оплодотворило и умственную работу всех европейских и многих азиатских народов. Это наследие, бывшее в свою очередь конденсатом и дальнейшим развитием многотысячелетнего опыта человечества в странах Востока и в области Средиземного моря, при-

общило нас еще в отдаленные века к основному течению общечеловеческой культуры. И в последующие века научная мысль на Руси вовсе не замыкалась в рамки национальной ограниченности. Напротив, и в течение XIV—XVII столетий она приобщалась к разным типам и элементам развития западно-европейской, а через нее и общечеловеческой культуры, исходя при этом из своих внутренних потребностей и разрешая свои органически вырвавшиеся задачи. Русская наука шла в этом отношении путем всех великих народов. Ни один из них не мог ограничиться в науке рамками своего узкого национального существования и опыта. Свободный ветер мировой истории веял повсюду, где мысль шла вперед, увеличивая объем познаний человечества и степень его господства над природой. Порывы этого ветра колебали и встряхивали и умы наших предков, изгоняя и выжигая из них элементы застоя, косности и гниения. Одним из отрадных впечатлений от изучения истории русской науки XI—XVII вв. является ощущение этого бодрящего и движущего вперед «сквозняка», этой атмосферы движения всего человечества, отраженного и индивидуализированного на огромной территории старой Руси.

И, наконец, последнее, что неоспоримо дает нам изучение истории научной мысли на этой территории, — это осознанное и оправданное признание творческого участия русского народа в развитии науки даже в те далекие времена, которыми мы занимаемся. Ни в коем случае ознакомление с ними не говорит нам о полной подражательности русской мысли в старину, об отсутствии самостоятельности со стороны ее носителей. Да, мы учились усиленно азбуке античного естествознания. Да, мы усваивали порою уроки арабско-еврейской науки средневековья. Мы заимствовали кое-что и у схоластической науки, и у науки Возрождения, и у науки периода развернутой мануфактуры. Все это было, и только отрадно, что это было и сколько этого было. Но мы не воспринимали и не усваивали этих уроков общечеловеческого опыта рабски и механически. Мы и обращались к ним, когда потребности внутреннего развития делали их своевременными. Они перелагались на язык русского опыта и возможностей, облекаясь прежде всего в кровь и плоть русского литературного языка, сперва сильно проникнутого элементами древнего церковнославянского, но все более «русевшего» с веками. Они укладывались затем в рамки сложившихся на русской почве понятий, деформируя последние, но и сами деформируясь под их влиянием. Правда, до XVIII в. мы не имели собственных Коперников, Галилеев и Ньютонов. Но сколько веков их не было и на Западе! А с другой стороны, в то время, как народы Запада подготавливали и создавали своих Галилеев, Декартов и Ньютонов, затрачивая свою умственную энергию на явную творческую работу, русский народ вкладывал эту энергию в с к р ы т ы е, но не менее творческие процессы.

Величие Декартов и Галилеев измеряется в конечном счете той степенью знания природы и господства над нею, которые они сделали возможными благодаря своим гениальным творческим усилиям. В то время как западноевропейские народы подготавливали почву для работы великих гениев науки, русский народ, не имевший еще своих гениальных ученых, делал гигантскую, отмеченную печатью массового народного гения работу по практическому овладению природой на огромной европейской и азиатской территории. Без такого овладения ею нельзя было обжить эти территории на суше, в степях, лесах и тундрах, на реках, морях и океанах, освоить их хозяйственно, организовать их политически — одним словом создать Киевское и Московское государства, а потом Российское государство XVIII века. Обычно от нас ускользает, что эта колоссальная работа имела естественно-научный аспект. Правда, это естествознание долго не воплощалось в книгах гениальных физиков, химиков и биологов, но оно создавало для них широчайшую практическую основу, оно накапливало для них элементы в проявлениях неписанной профессионально-технической мудрости. Механика дровосеков, прокладывавших пути в густых непроходимых лесах, механика и метеорология отрядов смелых поморов и казаков, обходивших материки и завоевавших Ледовитый океан на утлых суденышках, физика и химия освоителей лесных и степных земель — это звенья единой цепи, которая в другом конце дала возможность прорубить «окно в Европу» на технически освоенных невских болотах, создать петровские мануфактуры, Академию наук и Московский университет, проект северо-восточного плавания Ломоносова и осуществить экспедиции XVIII в. по изучению производительных сил страны.

Мы уже отмечали, что в дальнейшем попытаемся опираться только на источники, изданные или, по крайней мере, описанные настолько подробно, чтобы можно было составить себе некоторое представление об их основном содержании. Конечно, изданными источниками не исчерпывается круг относящихся к нашему предмету материалов. Но, во-первых, издано их и частью описано довольно много, так что на их основании можно пытаться набросать, хотя бы предварительно, общую картину, а во многих отношениях обрисовать и частности. Во-вторых же, мы и не ставим себе задачи исчерпать вопрос. Последующие исследователи дополняют и исправят на основании изучения новых или теперь еще недостаточно известных рукописей предварительные итоги нашей работы. Она целиком основана на первоисточниках, и даже там, где нам приходилось черпать сведения об источниках из вторых рук, мы старались отнестись к ним по возможности независимо. В ряде случаев мы, например, не располагали полным текстом некоторых рукопис-

ных произведений, переведенных на русский язык, имея лишь их краткие описания. В таких случаях мы, по возможности, обращались для суждения о содержании этих переводов — к их иностранным печатным подлинникам. Конечно, использование последних в контексте истории науки России требовало, чтобы мы судили о них только в свете сделанных с них переводов. Это было возможно лишь в той мере, в какой у нас были под рукою описания этих переводов, обычно весьма неполные. В виду этого соответствующие разделы наших очерков должны были получить в тех или других отношениях более или менее гипотетический характер. Но гипотеза — не только не враг научного исследования, а одно из его законных средств. Особенно — гипотеза, которую может проверить последующая исследовательская работа. Можно заметить, правда, что в данном случае не стоило создавать гипотез, а лучше было бы сразу обратиться к рукописям, которые сделали бы гипотезы ненужными. Это справедливо. Но верно и то, что дополнительная работа над рукописями потребовала бы довольно продолжительного времени. Перед автором стояла дилемма: имевшиеся в его распоряжении несколько лет затратить на разбор неопубликованных рукописей — либо использовать эти годы для усиленного анализа значительного материала опубликованных источников. Соединить две эти задачи автор по условиям своего недостаточного научного досуга не мог. Ему пришлось выбирать. Он пошел по второму пути, надеясь, что его попытка анализа даст толчок другим исследователям изучить и издать новый или плохо известный архивный материал, чтобы ввести со временем коррективы в то, о чем сейчас, в отдельных случаях, можно судить лишь гипотетически.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЭПОХА КИЕВСКОЙ РУСИ

Глава 1

ЗАМЕЧАНИЯ О СОСТОЯНИИ РОССИИ В XI—XIII вв.¹

Первые письменные памятники, отражающие в древней Руси некоторые представления о природе, относятся, приблизительно, к началу XI в. В настоящем разделе наших очерков мы будем рассматривать те из этих представлений, которые складывались на протяжении истории Киевской Руси, понимая под этим термином период существования Киевского государства и первые времена после его распада. В хронологическом отношении этот период охватывает IX—XIII вв. Более ранний отрезок истории этого периода, IX—X вв., не входит в поле нашего зрения из-за отсутствия письменных отражений взглядов на природу. С распадом Киевского государства в XII в. история Киевской Руси в основном заканчивается. Но так как история «научной» мысли не может строго укладываться в рамки политической истории страны, мы берем и несколько десятилетий из периода феодальной раздробленности и доводим наше рассмотрение взглядов на природу, созревших и существовавших в Киевской Руси примерно до середины XIII в. В территориальном отношении Киевская Русь охватывает Киевское княжество с комплексом зависящих от него земель и княжеств на юге, на юго-западе, на северо-западе (включая Новгород), и на северо-востоке (Междуречье Волги и Оки).

На территории Киевской Руси в интересующий нас период ее истории все заметнее развиваются элементы феодального порядка. Крестьянские земли становятся с начала XI в. (а может быть и раньше), и чем дальше, тем больше, предметом захвата со стороны князей, бояр, церкви и других представителей господствующего класса. Феодальное землевладение возрастает отчасти и путем «пожалований».

Социальное могущество покоится в основном все более на владении землей и на эксплуатации сидящего на ней крестьянского населения. Формально свободное крестьянство все больше закрепощается в течение XI—XIII вв. Среди него источники различают разные категории и степени зависимости от феодальных владельцев земли. Кроме свободного крестьянства, существуют крестьяне-смерды, попавшие в феодальную зависи-

мость от своих господ-землевладельцев, разоренные крестьяне, вынужденные искать прибежища у тех же землевладельцев по договору (рядовичи и закупы) и настоящие рабы (патриархальное рабство), хотя этот разряд зависимого населения с течением времени играет в жизни страны все меньшую роль.² На протяжении истории Киевской Руси рабство, однако, полностью не исчезло. Крестьянство занимается сельским хозяйством, а отчасти ремеслом. Относительно многочисленное ремесленное население живет в городах, не порывая часто и с сельским хозяйством. Ремесленники, как и крестьяне, сохраняют свою «свободу» больше формально, чем по существу. С течением времени растет их зависимость не только от землевладельцев, но и от купцов, снабжающих ремесленников сырьем, ссужающих их продовольствием и т. д. Таким образом, возникновение, рост и оформление феодальных отношений является основной особенностью социального строя Киевской Руси IX—XII вв.

На протяжении этих веков феодальный порядок на Руси не оставался неизменным в частностях. Напротив, здесь происходили довольно крупные динамические процессы, и нам нужно отметить их в виду их значения для истории понимания природы в эту эпоху.

Прежде всего, на протяжении IX—XIII вв. постепенно изменялся общий характер феодальной эксплуатации. Первоначально феодальное господство мало отличалось от грабежа. Известны об этом рассказы арабских и византийских источников и наших летописей. «Дань» и награбленное в значительной части сбывались за границу, в частности по пути «из варяг в греки». Но с течением времени этот примитивный способ феодальной эксплуатации заменялся более систематическим хозяйствованием, более углубленной эксплуатацией. Мы наталкиваемся на заметные следы этого способа в XI—XII вв. во всех частях тогдашней Руси. Недавние раскопки Райковецкого городища обнаружили, например, следы крупного феодального земледелия как раз в XII—XIII вв. Речь идет не о личном хозяйстве феодального владельца, а о хозяйстве его крепостных-смердов. На территории упомянутого городища найдено множество однородных сельскохозяйственных орудий. «Значительное количество железных кованых наральников разных форм свидетельствует об интенсивном характере земледелия». Двигательной силой в земледелии служил рабочий скот, скелеты которого разбросаны в «громадном количестве» на площади городища.³ Около того же времени в другом конце тогдашней русской территории, в Новгороде, мы встречаем аналогичные явления. Новгородские бояре и купцы продолжают грабить население далеких северных и северо-восточных колоний или будущих колоний, но у себя дома они организуют свои собственные, относительно небольшие, правда, хозяйства, взимают с зависимых крестьян ренту,

сдают свои земли смердам, снабжают ремесленников сырьем под условием оплаты сырья долей готовой продукции, сдают крестьянам в эксплуатацию залежи болотной руды за готовые железные крицы и т. д.⁴ Говоря в дальнейшем о технике ремесла в древней Руси, мы увидим, что именно к XI—XII вв. относится значительное развитие разных ремесел. Раскопки на территории гор. Киева, еще более интересные раскопки в б. городе Белогороде, раскопки в Старой Рязани и др. знакомят нас с бесспорно русскими ремесленными мастерскими XII—XIII вв.⁵ К этому времени ремесло достигло и относительно значительной дифференциации. Источники указывают на существование до трех десятков разновидностей ремесла в больших центрах, как Новгород или Киев. Но оно специализируется и в других районах, порой довольно глухих. Таким глухим углом в XI—XII вв. был, например, город Дмитров (Московской области). Недавние раскопки обнаружили, что там в указанные века выплавлялись железо и медь, обрабатывалось железо, из меди отливались разные изделия, выбивалась даже монета.⁶

Все это, вместе взятое, создавало с течением времени ряд предпосылок для развития простого товарного хозяйства. Но в основном производство не выходило из рамок натурального типа. Правилom являлось производство для удовлетворения «собственных» потребностей, если разуместь под «собственными» потребностями и потребности феодального владельца. Отчуждению подлежали только излишки. Специального производства на безличный рынок почти не существовало, хотя и начинало развиваться производство на заказ. Любопытной иллюстрацией натурально-хозяйственного характера ремесленного производства служат материалы раскопок в Старой Рязани.⁷ В этом городе XII в. население занимается земледелием, скотоводством, рыболовством и, в порядке подспорья, — рядом ремесел. Почти во всех раскопанных и изученных домах Старой Рязани обрабатывалось железо, янтарь и производились другие поделки, и это были не особые ремесленные дворы, а дворы земледельцев. Однако, повторяем, известная интенсификация земледелия и ремесла создавала даже в рамках натурального хозяйства некоторые возможности для развития обмена и образования местных рынков, иногда, вероятно, довольно широкого значения. Существование обширного рынка этого рода удостоверено для Киева и в более ранние времена, но даже в маленьких центрах, вроде упомянутого выше Дмитрова, были свои рынки, о чем свидетельствует раскопанный рыночный помост XI—XII вв. На этих рынках торговали не только местной продукцией, но и продуктами иногороднего привоза. И в Дмитрове, и в Старой Рязани найдены предметы далекого происхождения — из разных русских земель и даже из-за границы: они должны были привозиться на местные рынки. Таким путем рязанцы получали, например, янтарь для ювелирных поделок.

Систематизация и углубление феодальной эксплуатации сопровождались усилением и обострением классовой борьбы в древней Руси. Летописи сообщают об ее эпизодах еще с XI в., но такие сообщения учащаются к XII—XIII вв. Ведется эта борьба в разных направлениях. Основным направлением была борьба между феодальной верхушкой и феодально-обязанным населением. Оно восстает против бояр, а иногда и против княжеской власти. Подобные случаи хорошо известны и в Киеве (1063, 1113 и др.), и в Новгороде, и в других местах.

Из-за распределения объектов феодальной эксплуатации разгорается и острая борьба между разными категориями феодальных владельцев. На первом месте по распространенности и остроте должна быть поставлена здесь междукняжеская борьба.

Параллельно происходит и борьба между князьями, опирающимися на разные элементы городского населения, — и боярством, участвующим также и в междукняжеских распрях. В одних районах (как в Галицко-Волынском княжестве XII—XIII вв.) боярство иногда берет верх над князьями, но борьба идет с переменным успехом. В других областях процесс борьбы получает более определенное направление. В Суздальском княжестве князья, опираясь на новые, молодые города, одерживают верх над боярством. Наоборот, в Новгороде князья вынуждены уступить боярству.

Особенный интерес представляет, в виду наших специальных целей, борьба между светскими и церковными феодалами. Об этой борьбе в XI—XIII вв. мы знаем пока сравнительно немного.⁸ Но все, что мы знаем, свидетельствует об ее интенсивности. Известный историк русской церкви Голубинский констатировал, как ему казалось, некоторое противоречие в положении русской церкви в Киевский период. Князья, говорит он, «показали полное и совершенное усердие в деле их (церковных верхов. Т. Р.) материального обеспечения, а с другой стороны, вели себя с ними не совсем по надлежащему, как с чинами церкви» — самовольно избирали кандидатов в епископы, судили и смещали епископов и пр. Последнее, действительно, имело место. Известно, что еще Ярослав заставил «русских» (по большей части греческого происхождения) архиереев избрать и поставить в митрополиты, вопреки каноническим правилам, княжеского духовника Илариона. В первой половине XII в. таким же образом был посажен на митрополичий престол Клим Смолятич. Андрей Боголюбский во второй половине этого века вел борьбу не только с боярством, но и с епископами, и царьградскому патриарху приходилось вмешиваться в эту борьбу, защищая феодального члена церкви от властной руки светского феодала. Голубинский несколько переоценивал характер забот князей и других светских феодалов об обеспечении материального положения церкви. Верно только то, что они давали большие вклады в церкви, в частности — в монастыри, — в том числе и вклады земельные.

Церковь сосредоточивала к XII—XIII вв. в своих руках крупные земельные владения. Но и князья, и другие светские феодалы содействовали этому не из усердия к материальному обеспечению церкви, а из стремления материальными узами привязать власть духовную к власти светской, обеспечить не только себе «спасение в жизни будущей», но и спасительное для князей в земной жизни воздействие на подданных. Самый же факт усиления церковного феодализма начинал тревожить светских феодалов. История борьбы за церковные земли в России ведет свое начало с XII—XIII вв., коренясь именно в этих тревогах. Не оспаривая на практике права церкви на земле, светские феодалы неоднократно отбирают у церкви ее владения *de facto*, в порядке «насилия». Духовенство сопротивлялось этой практике, и не без успеха, чем, конечно, ни мало не смягчалась рознь между ним и светскими феодалами. Мы увидим в дальнейшем, что эти факты оказали заметное влияние и на историю представлений о природе в Киевской Руси.

Глава 2

ГЛАВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ПОНИМАНИИ ПРИРОДЫ

Феодальный строй Киевского периода составлял основу определенной социальной надстройки, обуславливал определенные формы общественного сознания, определенную общественную идеологию. Говоря терминами Маркса и Энгельса «господствующие мысли» этого периода были мыслями «господствующих» и одновременно с тем «мыслями его (правящего класса) господства», «идеологическим выражением тех отношений, которые и делают один этот класс господствующим» («Немецкая идеология», Партиздат, 1934, стр. 37).

Христианство в том виде, как оно было воспринято и усвоено в Киевской Руси, стало важнейшей основой специфической идеологии этого периода, его господствующих мыслей. Приобщив Киевскую Русь к византийской, а через нее — к античной культуре, христианство одновременно с тем несло с собою определенное идеологическое оправдание существующего строя, путем своеобразного обожествления последнего.

Об этом определенно и красноречиво рассказывает древняя летопись, сообщая о введении христианства. Известно, что обстоятельства и подробности крещения Руси изображены летописью в тенденциозной легенде.* Хотя действительные факты, лежащие в ее основе, не всегда поддаются расшифровке, общий их смысл в интересующем нас аспекте выражен в легенде с достаточной ясностью. Одной из частей летописного сказания яв-

* Настоящая книга была уже написана, когда появилась новая работа о крещении Руси — С. В. Бахрушина (в журн. «Историк-Марксист», 1937, № 2), пытающаяся разобраться в легендарном сказании.